

Глава 5. Традиция и модернизация в теории «цивилизационного маятника»

Принципы изменчивости и преемственности, как базовые основания развития, проявляются не только в мегаисторическом, но и среднесрочном эпохальном преломлении. Реализуемая в данном разделе исследовательская задача заключается в выявлении закономерностей их смены во временной инверсионной динамике. Указанная постановка вопроса реанимирует понимание истории как процесса. Изменчивость и преемственность, как универсальные категории развития, могут быть положены в основу исторических периодизаций различных цивилизационных систем. Модернизм и традиционализм дифференцируются не только в качестве двух эр в истории человечества, но и двух взаимосвязанных между собой, взаимокомпенсирующих сил, обуславливающих динамику цивилизаций. Модернистская составляющая выражает универсалистскую парадигму развития, традиционалистская — специфическую цивилизационную.

Вариативность пути модернизаций

Основу предлагаемого видения исторического процесса представляет синтез теории модернизации и цивилизационного подхода. Главный недостаток существующих в историографическом дискурсе модернизационных схем заключается в их унифицирующей цивилизационную идентичность универсализме. Логика модернизма соотносится с дуальной моделью линейного восхождения от традиционного общества к обществу современного типа. Зачастую, как грядущая перспектива, выделяется еще третий постмодернизационный этап, связанный с окончательным завершением процес-

са глобализации и устранением с исторической сцены института национальных государств¹⁰⁴.

Основной недостаток применения к истории методологии цивилизационного подхода определяется статическим ракурсом рассмотрения. Справедливо в вину «цивилизационщикам» ставится отсутствие диалектичности, нивелировка исторической изменчивости и отрицание универсальных законов общественного развития. Сами цивилизации предстают в цивилизационном изложении как некие застывшие феномены. При абсолютизации применения одной из методологий обнаруживается, таким образом, выхолащивание базовой для исторического процесса категории развития, другой — его вариативности. Синтез же обозначенных подходов позволяет компенсировать содержащиеся в каждой из них изъяны¹⁰⁵.

---

¹⁰⁴ Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999; Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна. М., 1999.

¹⁰⁵ Барабанов О.Н. Реформы и контрреформы в России XIX–XX вв.: Международный «круглый стол» ассоциации выпускников ист. фак. МГУ // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. 1995. № 5. С. 64–65; Долуцкий И.И. Россия в начале XX века: общее и особенное // Реформы второй половины XVII–XX вв.: Подготовка, проведение, результаты. М., 1989. С. 83–107; Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998; Зверев В.В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России: От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997; Ионов И.Н. Россия и современная цивилизация // Отечественная история. 1992. № 4. С. 62–73. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. М., 1998; Красильщиков В.А. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Красильщиков В.А., Зиборов Г.М., Рябов А.В. Модернизация России (Мировой опыт и наши перспективы // Кентавр. 1992. № 5–6. С. 80–88; Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993; Кузьмин С.А. Социальные системы: опыт структурного анализа. М., 1996; Пантин И.К., Плимак Е.Г. Россия XVIII–XX вв. Тип «запаздавшего исторического развития» // Свободная мысль. 1991. № 11; Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–206; Российская модернизация XIX–XX веков: индустриальные, социальные,

Модернизация есть, безусловно, закономерный этап в мировом историческом развитии. Однако конкретное ее преломление существенно корректируется в зависимости от цивилизационного контекста. Уместно говорить о цивилизационной множественности моделей модернизации. Традиционное общество создавало своеобразную матрицу цивилизационного существования. Ниже — с опорой на типологию, предложенную известным российским китаеведом А.С. Селищевым, — идентифицируются матричные условия протекания модернизационных процессов (табл. 1)¹⁰⁶. Базовые ценностные критерии развития оказываются принципиально различными, в зависимости от идентифицируемой цивилизации. Для Русской цивилизации они совершенно иные, нежели, к примеру, для сообществ Запада. Констатация этих различий позволяет ввести в качестве категории, отражающей своеобразие протекания модернизационных процессов, понятие «цивилизационный ограничитель развития» (или «цивилизационный коридор развития»).

Перед каждой из цивилизаций стоит выбор между двумя возможными моделями модернизации — «дискретной» и «консервативной». Дискретная модернизация протекала в разрыве с цивилизационной традицией. Она представляла собой радикальный вариант общественного обновления. Дискретная логика заключалась в высвобождении из рамок традиции. Напротив, консервативная версия модернизма заключалась в эксплуатации этой традиции в соответствии со стоящими перед обществом модернизационными задачами. Цивилизационная идентичность в данном случае не только

экономические перемены: Сб. научн. ст. Уфа, 1997; Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии № 4, 2000; Хорос В. Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // Мировая экономика и международные отношения № 8, 1991; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

¹⁰⁶ Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. СПб., 2004. С. 14–15.

Цивилизационная матрица модернизации

Критерии	Европейско-христианская цивилизация	Арабско-исламская цивилизация	Индобуддийская цивилизация	Китайско-конфуцианская цивилизация	Русская цивилизация
Отношение к материальному успеху	Индивидуальный успех	Материальный успех не поощряется, рецидивы восточной роскоши	Высшая ценность небывшая, Нирвана. Материальный успех — ничто	Постоянное самосовершенствование человека, включая рост материального достатка	Материальный успех имеет подчиненное по отношению к социальным нормативам и идеалам значение; диспаритеты материальной успешности противоречат социальной гармонии
Отношение к индивиду	Индивид во все большей степени расматривается как единица общества. Ставка на сильного	Человек — песчинка. Ставка на хорошо дисциплинированный и покорный воле старшего социум. Частная собственность.	В центре — индивид, но не как свободная личность, а как обособленный человек, занятый мыслями о собственном	Организованность и дисциплина, но основанная не на покорности, а на чувстве долга. Основа общества — семья	Идеал соборности. Общественно-эгалитарный критерий индивидуальной деятельности

Продолжение таблицы 1

Критерии	Европейско-христианская цивилизация	Арабско-исламская цивилизация	Индобуддийская цивилизация	Китайско-конфуцианская цивилизация	Русская цивилизация
Социальная мобильность	Индивидуализм, на частную ответственность, достоинство, свободу	Основа общества — семья. Общая установка на общественное равенство	спасения, а также спасения своей общины. Основа общества — семья	Мобильное общество несколько тормозится жесткой структурой государства (в Китае — больше, в Японии — меньше). Мобильность бюрократически-рангового восхождения	Госпатернализм. Высокий уровень социальной мобильности определяется активностью государства

Критерии	Европейско-христианская цивилизация	Арабско-исламская цивилизация	Индобуддийская цивилизация	Китайско-конфуцианская цивилизация	Русская цивилизация
Отношение к закону	Перед законом индивид отвечает только за себя. Рациональное правосознание	Индивид часто несет ответственность за членов своей семьи, рода, гильдии, касты, общины. Традиционное правосознание			Тратовка закона определяется высшей государственной и идеологической целесообразностью. Харизматическое правосознание. Закон может быть противоположен справедливости
Отношение к религии	Сфера религии ограничена отношениями человека со святыми. Прочие отношения не религиозны	Важность религиозных отношений во всех сферах общества, в том числе и в экономике. Регламентация религии	Религиозный иррационализм. Бегство от мира объективизации	Религиозные ритуалы как высшая целесообразность. Роль ритуала	Идеократия. Религия имеет характер идеологии, но не бытовой нормативности

Продолжение таблицы 1

Критерии	Европейско-христианская цивилизация	Арабско-исламская цивилизация	Индобуддийская цивилизация	Китайско-конфуцианская цивилизация	Русская цивилизация
Общественная активность	Усиление человеческой активности в общественных отношениях возможно и желательно	Смирение и послушание. Повиновение старшим	Жесткая кастовость. Общественная активность минимальна, ввиду своей бессмысленности	Упор на общественную стабильность и порядок	Общественная активность инициируется сверху. Воля вместо свободы
Отношение к политической деятельности	Большинство людей в той или иной степени вовлечены в политическую деятельность	Заповеди ислама не препятствуют мусульманину занимать политическую, при условии подчинения ее императиву веры	Безразличие индивида к власти, к администрации, к государству. Политикой занимается ограниченное меньшинство населения	Слабая политическая, но сильная социальная активность. Политикой занимается ограниченное меньшинство населения. Император выше закона. Сакрализация высшей власти	Революции сверху. Всплески политической активности. Персонафицированность политических ориентиров. Царистский культ. Феномен народной монархии

не являлась препятствием, но служила особым ресурсом развития. Наряду с категорией «цивилизационного ограничителя», понятие «цивилизационный ресурс» отражает вариативность протекания модернизационных процессов.

Может, впрочем, возникнуть вопрос о том, насколько оправданно применять маркер модернизации к системе, опирающейся на традиционалистский потенциал. Не будет ли более точным определение ее в качестве репродуцирующегося традиционного общества? В действительности между ними существует принципиальное отличие. Традиционное общество адаптивно к традиции. Модернизация же всегда ургийна. Традиция при ней может быть эксплуатируема в модернизационных задачах, но не может служить механизмом регуляционной средовой адаптации¹⁰⁷.

Режим маятниковых инверсий

Существуют ли закономерности смены обозначенных выше модернизационных парадигм? Насколько исторически определен выбор между моделями дискретной и консервативной модернизации? Для ответа на эти вопросы вновь апробировалась методика экспертной оцифровки слабоформализуемых факторов исторического процесса. Оцифровывался, в частности, показатель состояния цивилизационной идентичности России. Оценка проводилась в режиме пятилетних интервалов на шкале исторического времени от 1750 до 2008 гг. Усиление и ослабление цивилизационной идентичности обозначалось соответственно на оси оцифровки от плюс 10 до минус 10 (рис. 22). Полученные результаты описания хода российской истории выражались ритмичкой маятниковых инверсий. Дискретная и консервативная модели модернизации находились в строгом режиме чередования. Сформулирован-

¹⁰⁷ Багдасарян В.Э. Традиционализм и цивилизационная идентичность России. М., 2006.

ный таким образом концепт получил условное обозначение через метафору «цивилизационного маятника»¹⁰⁸.

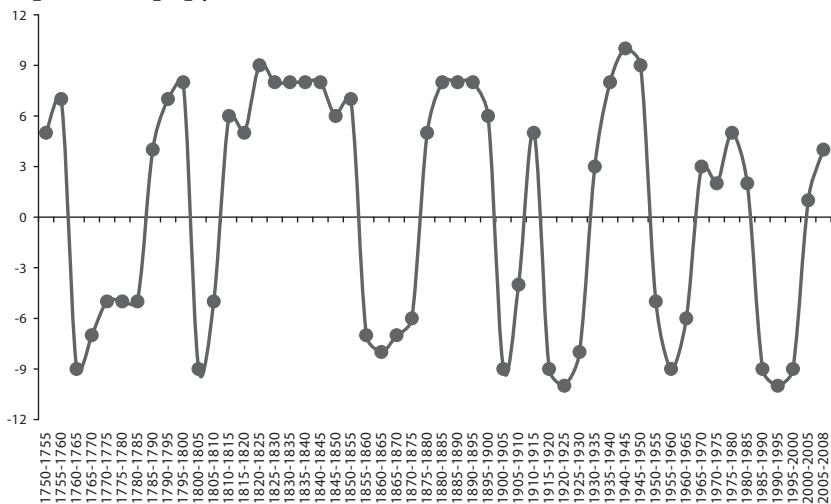

Рис. 22. Динамика состояния цивилизационной идентичности России

Для вывода системы (в данном случае цивилизационной системы) из состояния равновесия нужен внешний толчок. В качестве такого рода толчкового механизма выступают иносистемные внешние проникновения. Сталкиваются парадигмы охранительства и изменчивости.

Маятниковые характеристики обнаруживаются в природе кризисов общественного сознания, под которыми — в соответствии с этимологией греческой версии слова — понимался исход, поворотная точка, смена вектора развития. Трансформации, сообразно с концептом цивилизационного маятника, есть следствие инноваций. В формате инновационных модификаций представлен универсальный путь развития общественных систем. Направленность развития на той или иной

¹⁰⁸ Багдасарян В.Э. Россия в условиях трансформаций: Теория цивилизационного маятника. М., 2007.

исторической стадии определяется параметрами сочетания инновационного и традиционного потенциалов. При доминанции первой составляющей происходит процесс инносистемной трансформации (в российском варианте — периоды западнического реформирования). Инновационный вектор объективно предопределен стагнацией замкнутой внутри себя системы, необходимостью преодоления сдерживающих барьеров и стереотипов, связанных с институционализированной традицией. Однако инновации объективно вызывают действие сил цивилизационного отторжения. Они задают обратный ход маятникового механизма. Кризисы в этом смысле есть максимальные точки размаха маятника. После достижения максимума инновационной амплитуды вектор общественного развития неизбежно сменяется на противоположный. Исторически реализуется период консервативной инверсии (в российском варианте — периоды контрреформ).

После достижения точки кризисной амплитуды наступает смена вектора движения (развития) всей системы. Периодичность кризисов в истории России (фактически при каждой новой интронизации) особо наглядно раскрывает сущность маятниковых инновационно-цивилизационных инверсий. Данное понимание позволяет фиксировать ритмику кризисов общественного сознания, прогнозировать формат трансформаций и определять исторически заданную рецептуру реагирования на трансформационные процессы. Это не означает отрицание инновационного пути, а, напротив, дает возможность посмотреть на кризисные колебания как на исторически объективное детерминированное явление.

Еще в XIX в. была замечена устойчивая повторяемость в идеологическом смысле российских государей через одного. Доминанта западнических тенденций в политике одного неизменно сменялась почвенническим поворотом в период последующего царствования. Хронологические рамки каждого из этапов цивилизационных колебаний соотносятся с последовательностью интронизаций. Классический характер

представляет собой циклическая триада смены общественного сознания эпох правления: Николая I (консервативная модель) — Александра II (инновационная инверсия) — Александра III (цивилизационное отторжение).

Маятниковая ритмика происходящих в России инверсий еще более наглядно прослеживается и в XX столетии. Проявления хода цивилизационного маятника обнаруживаются в самых различных сферах общественного бытия.

Экономический аспект истории может быть выражен в формате циклических колебаний между полюсами государственного управления и рыночной саморегуляции. Когда бюрократическая рутинa становилась сдерживающим фактором экономического развития, узды государства несколько ослабевали и приоритет развития смещался в сферу частного инициативного предпринимательства. Однако с обеспечением временного инновационного прорыва, переориентированная на интересы предпринимателя экономическая система оказывалась в состоянии разбалансировки. Актуализировался курс на очередное усиление государственно-управленческих механизмов в экономике. Если с такой переориентацией правительство запаздывало, возникал экономический кризис. Катастрофические последствия экономического кризиса могли бы быть гораздо менее масштабными при превентивном государственном реагировании. Принятие концепта маятникового развития экономических систем позволяет создать более сложную, чем это имело место до сих пор, модель долгосрочного планирования.

Демографическая история России также позволяет четко проследить маятниковую траекторию в преломлении к динамике естественного воспроизводства населения. Наложение на шкалу интронизаций показателей репродуктивной активности российского населения точно фиксирует западническую-почвенническую идентификацию монархов. При царях «западниках» общий коэффициент рождаемости в России, варьируясь по годам, в целом снижался, тогда как при «поч-

венниках» возрстал. Зигзаги демографической динамики в России фактически на всем протяжении XX столетия также соотносились в общих чертах с режимом ценностных инверсий. Отрицательными в демографическом плане хронологическими интервалами отечественной истории статистика определяет ленинский и ельциновский периоды. Характерно, что оба они были связаны с резким революционным разрывом с традицией цивилизационной идентичности России.

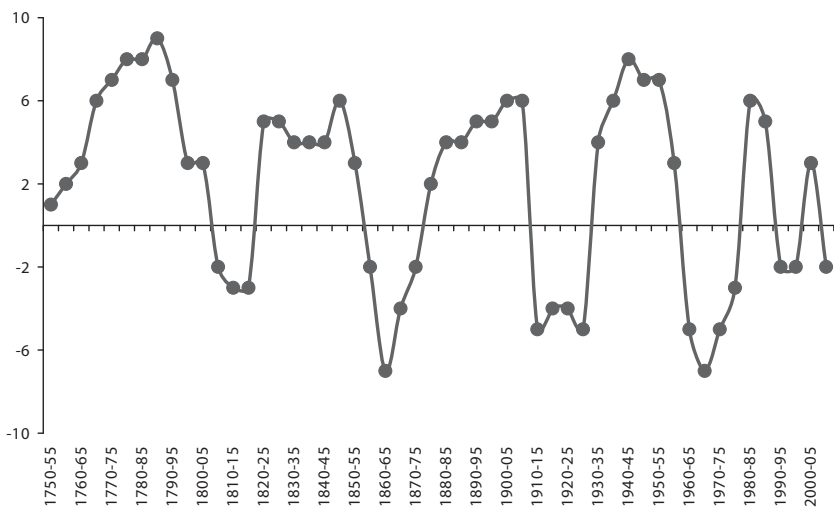
«Цивилизационный маятник» опровергает представление о существовании универсального модернизационного тренда развития. Исторический процесс развертывался, в действительности, не в трендовой предопределенности, а в динамике маятниковых инверсий. Государство и общество оказывались всякий раз перед выбором принципов системного моделирования. Непредопределенность исторического процесса означает возможность управленческого формирования будущего.

Применение теории цивилизационного маятника позволяет переосмыслить некоторые сложившиеся историографические стереотипы. В частности, разрушается традиционная спектральная дифференциация между «левым» и «правым» полюсами. Под каждым из маркеров «консерватизм» и «революция» обнаруживаются две векторально антагонистические силы. Представители монархической власти могли выступать в качестве носителей революционной идеологии, а революционеры — в качестве консерваторов¹⁰⁹.

«Цивилизационный маятник» позволяет примирить между собой извечных диспутантов о путях российской истории — «славянофилов» и «западников». Как западническая, так и славянофильская рецептуры были исторически оправданны. Обе предложенные модели развития были объективны и политически целесообразны. Но «правда» обоих подходов соотносилась каждая со своим историко-временным интервалом, отражая различные векторы маятниковых трансформаций.

¹⁰⁹ Багдасарян В.Э. Российская революция в контексте теории «цивилизационного маятника» // Октябрь 1917: взгляд из XXI века. М., 2008.

Теория «цивилизационного маятника» была верифицирована на историческом материале ряда зарубежных стран. Экспертная оцифровка состояния цивилизационной идентичности в пятилетнем шаговом режиме обозначенной временной шкалы апробировалась применительно к истории США, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании, Японии, Китая, Турции, Бразилии (рис. 23–32). Положение о маятниковом ходе модернизационного процесса находило во всех рассматриваемых случаях точное подтверждение. Страновые различия заключались лишь в амплитуде и частоте волновых колебательных движений. Различия в ритмике модернизационных инверсий проливали дополнительный свет на проблему соотношения универсального и специфического в истории цивилизаций. В рамках полученных выводов актуализировался также вопрос вариативности цивилизационного времени. Характерно, что в России амплитуда маятниковых колебаний оказывается больше, чем где бы то ни было, соотносясь с представлением о радикально-максималистском размахе российской истории.

Рис. 23. Динамика состояния цивилизационной идентичности США

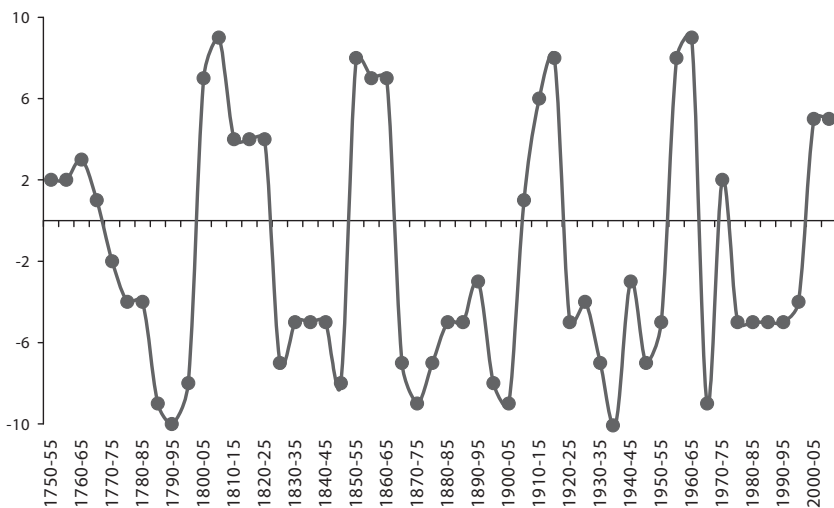

Рис. 24. Динамика состояния цивилизационной идентичности Франции

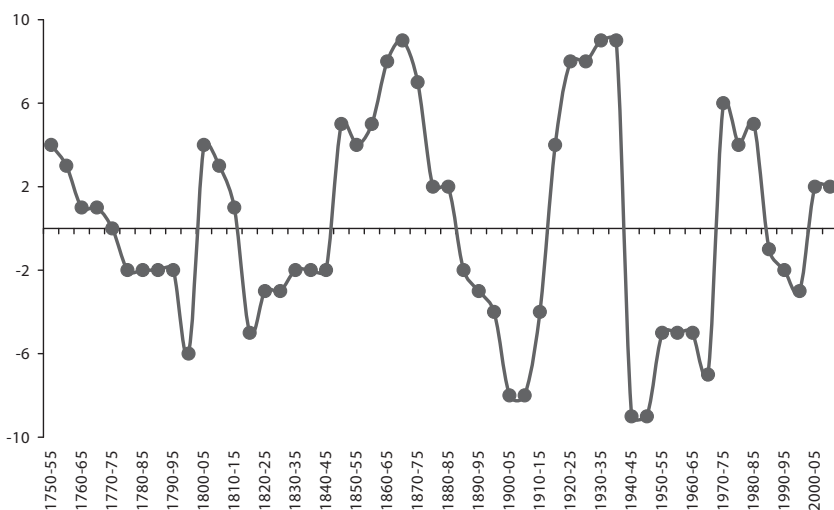
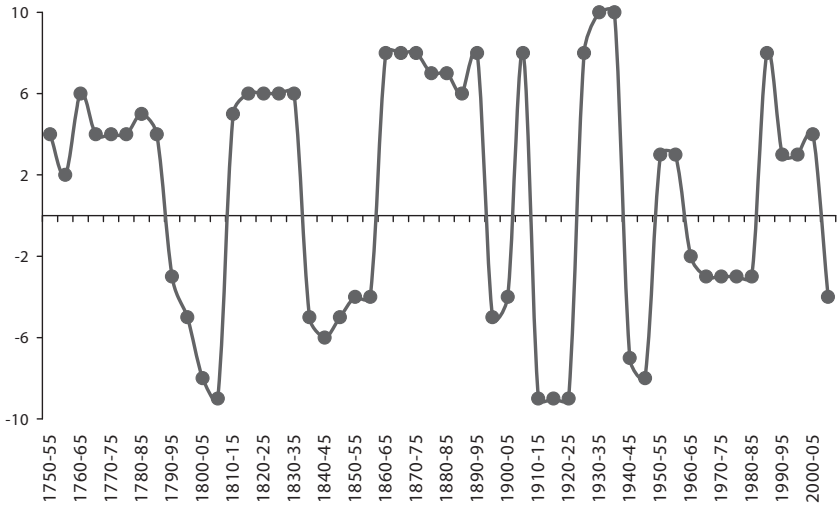
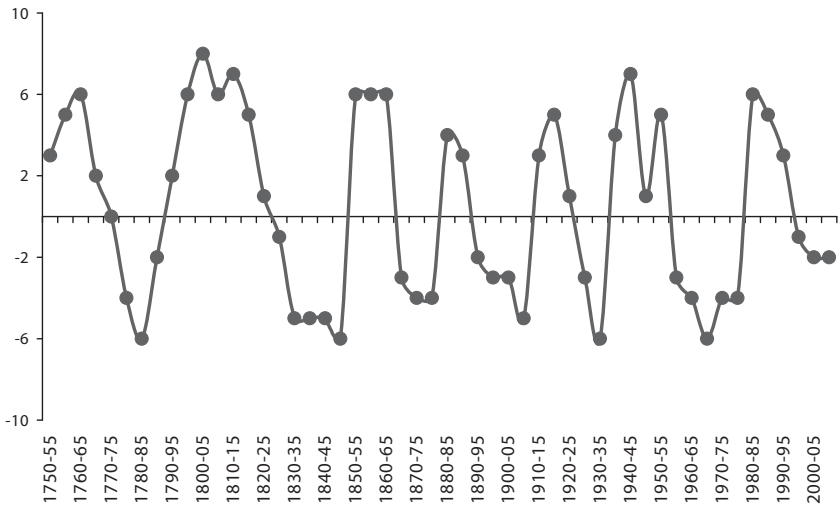

Рис. 25. Динамика состояния цивилизационной идентичности Италии

Рис. 26. Динамика состояния цивилизационной идентичности Германии

Рис. 27. Динамика состояния цивилизационной идентичности Великобритании

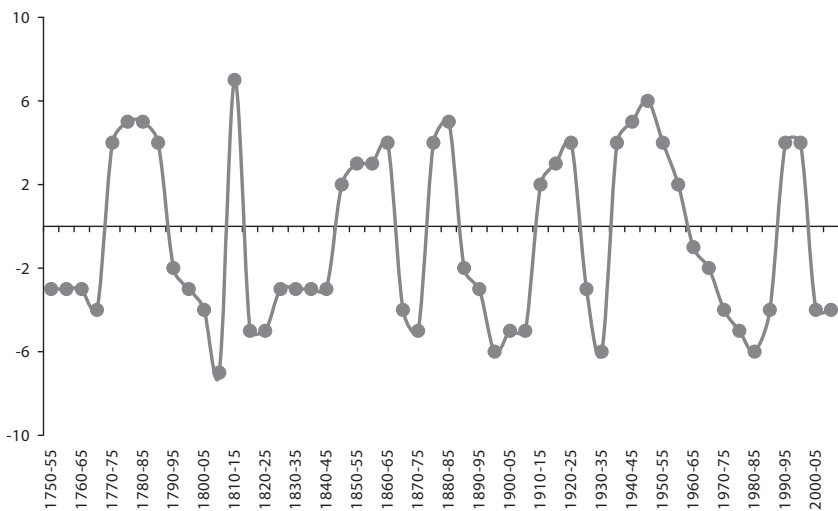

Рис. 28. Динамика состояния цивилизационной идентичности Испании

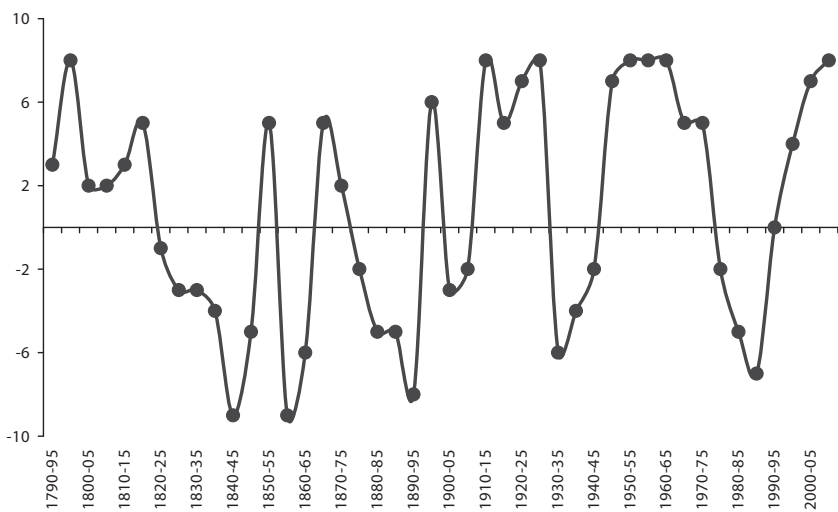
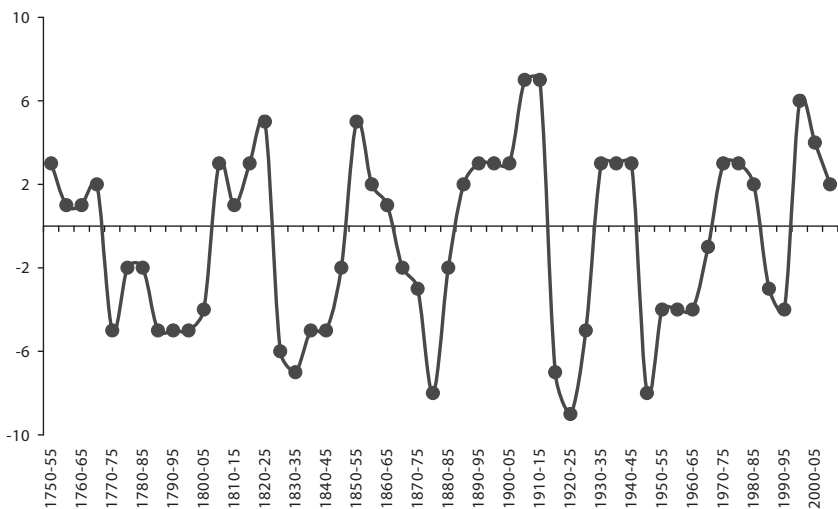
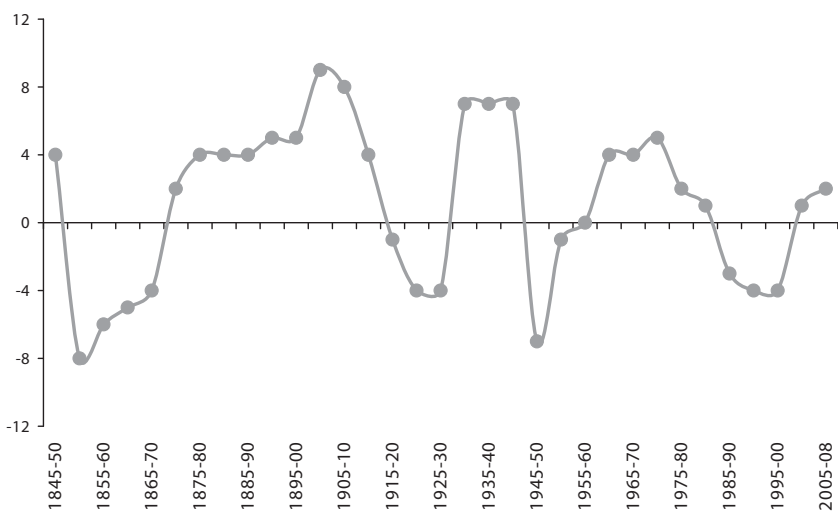

Рис. 29. Динамика состояния цивилизационной идентичности Китая

Рис. 30. Динамика состояния цивилизационной идентичности Турции

Рис. 31. Динамика состояния цивилизационной идентичности Японии

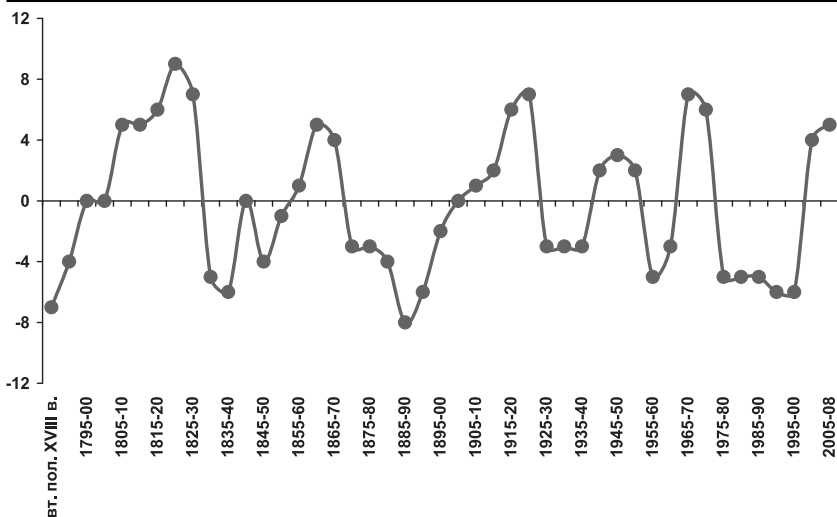

Рис. 32. Динамика состояния цивилизационной идентичности Бразилии

Попытка распространения методики оцифровки маятниковых инверсий на более глубокую временную ретроспективу оказалась неудачной. Действие «цивилизационного маятника» не распространялось на систему традиционного общества. Адаптивная сила традиции сдерживала инверсионную динамику развития. Показателен в этом отношении опыт Японии, применительно к которой маятниковых колебаний до середины XIX в. экспертами не обнаруживалось. Следовательно, «цивилизационный маятник» есть характеристика вполне определенного периода истории, соотносящегося с эпохой модернизации. Для объяснения динамизационных волн в истории домодернизационных цивилизаций более актуально было бы применение системы «вызов — ответ» А.Д. Тойнби. Тонбиевская объяснительная модель — это модель развертывания исторического процесса в традиционном обществе. Для модернизационной эпохи перманентного развития этого недостаточно. Маятниковый механизм — не единичный вы-

зов, выводящий цивилизацию из статического состояния, а встроенный механизм, обеспечивающий посредством модернизационных инверсий бесперебойное развитие.

Другая, обнаруживаемая через оцифровку «цивилизационного маятника» тенденция заключается в его постепенном угасании. Чем более сообщество модернизировалось, тем меньше оказывается амплитуда маятниковых колебаний. Реализованная в ряде стран двухпартийная модель не только минимизирует амплитуду инверсий, но и предусматривает политический механизм их безболезненного осуществления. Угасание цивилизационного маятника на современном этапе служит индикатором генерации новой общественной системы и завершения эпохи модернизма.

Одним из основных практических результатов разработки теории цивилизационного маятника является концептуальное примирение принципов традиции и модернизации. Доказывается взаимодополняемость и историческая объективность обоих компонентов как интегрированного фактора цивилизационной устойчивости.

Модернизационные модели России в сравнительном анализе

Режим маятниковых инверсий позволяет сопоставить эффективность действия различные модернизационных моделей в едином историческом пространстве. В качестве иллюстрации рассмотрим их на примере одной из инверсионных амплитуд, выражающейся в дихотомии режимов правления Александра II — Александра III. В первом случае модернизационный концепт выстраивался в частичном разрыве с цивилизационной традицией, во втором — в ее целенаправленной эксплуатации.

Темпы развития национальной экономики в период правления Александра II, в сравнении с передовыми странами

Запада, оказались столь незначительны, что уместнее было бы говорить о провале. Занимая к середине XIX в. второе после Великобритании место по объемам промышленного производства, Российская империя, ввиду стремительного рывка своих конкурентов, безвозвратно утратила былые позиции. К концу правления Александра II ее доля в мировом промышленном производстве составляла лишь 2,9%, что соответствовало пятой строчке в экономической иерархии государств. Вновь на второе место выведет ее в очередной раз ценой неимоверных усилий советская индустриализация.

В 1873–1875 гг. российская экономика была поражена первым за ее историю «капиталистическим кризисом». Характерно, что он сказался, прежде всего, на мелкой промышленности, фактически не затронув государственный сектор¹¹⁰. Экономический итог правления Александра II выражался, согласно констатации энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, в истощении платежных сил и всеобщем понижении благосостояния населения¹¹¹.

Вопреки распространенному в советской историографии мнению о депрессивном состоянии российской экономики 1881–1887 гг., статистика фиксирует резкий прирост за данный период по всем промышленным направлениям. По оценке английских историков А. Милворда и С. Саула, начиная с 1880 г. «промышленный рост России был самым быстрым в Европе»¹¹². Сравнительный анализ последнего десятилетия правления Александра II с первыми десятью годами царствования Александра III не оставляет сомнений какая из экономических моделей была более предпочтительной для России (рис. 33)¹¹³.

¹¹⁰ История СССР, 1861–1917 / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М., 1989. С. 66–67.

¹¹¹ Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. (Репринт изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1898). С. 190–192.

¹¹² *Milward A.S., Saul S.B. The Development of the Economics of Continental Europe. 1850–1974. L., 1977. P. 424.*

¹¹³ Россия: Энциклопедический словарь. С. 305–309.

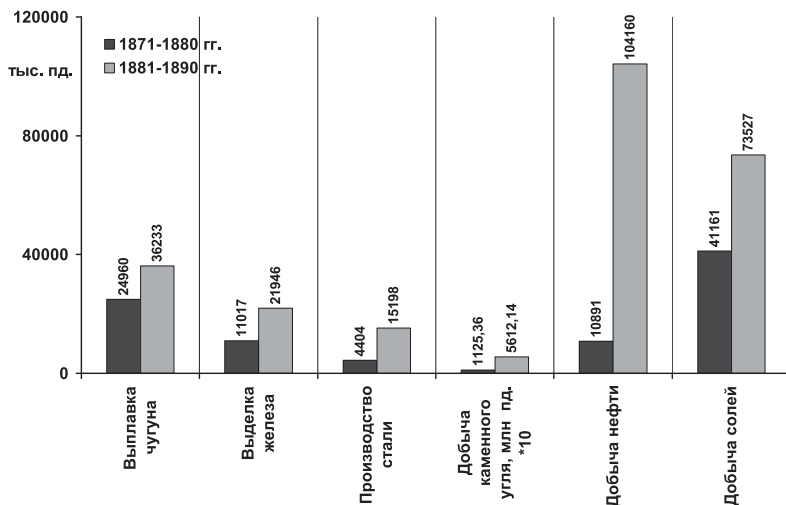

Рис. 33. Рост промышленного производства в Российской империи в 1871–1890 гг. (в среднем за год, в тыс. пд.)

С 1893 г. в Российской империи вообще начался небывалый экономический подъем, характеризуемый зачастую в исторической литературе как «русское экономическое чудо». Среднегодовой прирост в промышленности составил 9%. Доля России в мировом промышленном производстве возросла к концу XIX в. до 7% (что позволило ей сравняться по валовым экономическим показателям с Францией)¹¹⁴.

Основу экономической стратегии при Александре III составил таможенный протекционизм. Повышение пошлин по различным статьям ввоза и вывоза осуществлялось фактически на всем протяжении его царствования. Многие виды товаров, в целях поддержания отечественного производителя, вовсе запрещались для ввоза в страну. Причем, размер таможенных сборов снижался при торговле с «благоприятствующими России» государствами¹¹⁵.

¹¹⁴ История СССР, 1861–1917. С. 195.

¹¹⁵ Россия: Энциклопедический словарь. С. 192–196, 282–283.

Нижеприводимый рисунок иллюстрирует принципиальные различия в таможенной политике периода правлений Александра II и Александра III (рис. 34). В первом случае происходило устойчивое снижение таможенных тарифов, во втором — их подъем. Значительно более высокие темпы экономического развития при Александре III есть весомый исторический аргумент в пользу оправданности для России активного протекционистского курса¹¹⁶.

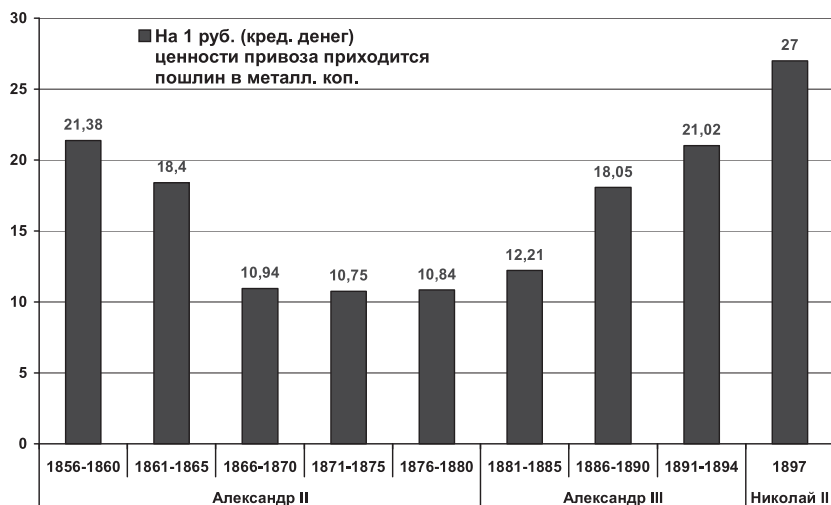

Рис. 34. Динамика кредитных пошлин в Российской империи во второй половине XIX в., в %

Сложился историографический стереотип рассмотрения высоких косвенных налогов в царской России в качестве индикатора ее отсталости. В действительности, еще в начале XIX в. по величине поступления в доходную часть бюджета между прямыми и косвенными налогами существовало примерное равенство (в 1805 г. — 44,8 млн руб. прямых налогов; 45,0 млн руб. — косвенных). Более того, к середине правления

¹¹⁶ Русское хозяйство. М., 2006. С. 248.

либеральствующего Александра I первый из указанных видов налогообложения имел даже преимущество (в 1810 г. — 82,3 млн руб. прямых налогов; 62,6 млн руб. — косвенных). Ситуация принципиально изменилась только в дальнейшем. Однако в период правления Александра II тенденция вновь стала меняться в пользу увеличения долевого значения прямого налогообложения. При Александре III вектор вновь сменился на противоположный, выразившись в особо стремительном росте удельного веса косвенного налога. Таким образом, интерпретацию высокого косвенного налогообложения в России в качестве феодального пережитка можно охарактеризовать как явное заблуждение. Уместно даже говорить о корреляции долевого роста косвенных налогов с динамикой экономического развития страны (рис. 35)¹¹⁷.

Установка на расширение внешнеторговых связей России периода правления Александра II сменяется при Александре III курсом по их частичному свертыванию. Наблюдается не просто доленое сокращение импорта в российском торговом балансе, а даже уменьшение по основным статьям абсолютных цифр ввоза товаров. Еще более удивительно, что в целом внешнеторговый оборот, при переводе его в денежную массу, не только не возрос, или хотя бы остался на прежнем уровне, но уменьшился (рис. 36¹¹⁸, 37¹¹⁹). И это притом что — как было показано выше — по всем направлениям шел активный экономический рост. Следовательно, взамен ориентации на внешнего потребителя шло преимущественное насыщение внутреннего рынка. В результате ограничительной политики

---

¹¹⁷ Русское хозяйство. М., 2006. С. 245–247; Печерин Я.И. Исторический обзор государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 г. включительно. Пб., 1896; он же. То же ... с 1844 по 1863 г. включительно. СПб., 1898; Безобразов В. Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение, 1866–1872 // Статистический временник. СПб., 1882; Шебалдин Ю.Н. Государственный бюджет царской России в начале XX в. // Исторические записки. М., 1959. Т. 65.

¹¹⁸ Россия. СПб., 1898. С. 285–309.

¹¹⁹ Россия: Энциклопедический словарь. С. 328.

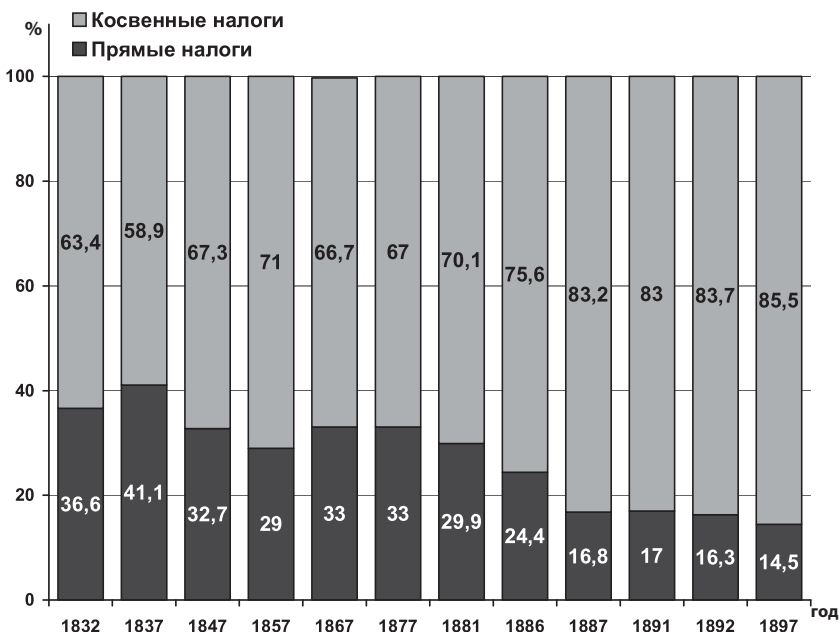

Рис. 35. Структура налогов в государственных доходах Российской империи в XIX в.

правительства реализовывались вовне только те товары, которые не находили сбыта внутри страны. В этом, собственно, и заключается экономический эффект автаркичной оптимизации.

Полученные выводы, впрочем, нисколько не предназначены к дезавуированию реформаторской практики Александра II. Реформы периода его правления были исторически объективны, соотносясь с инновационной стадией цивилизационного маятника, на которой они и были осуществлены. Без них, очевидно, не состоялся бы и модернизационный этатистский прорыв последующего царствования. Другое дело, что при формулировании задач форсированного экономического роста и развития консервативная модель модернизации

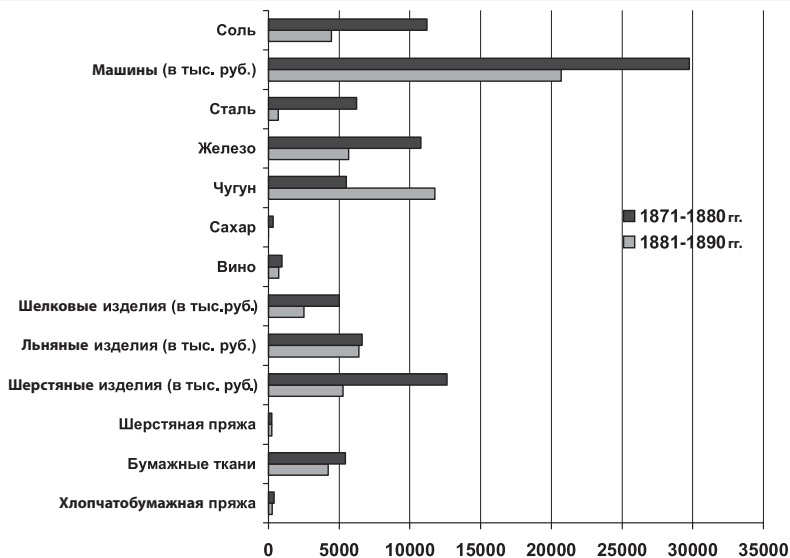

Рис. 36. Импорт товаров в Российскую империю в 1871—1890 гг. (в среднем за год, в тыс. пд.)

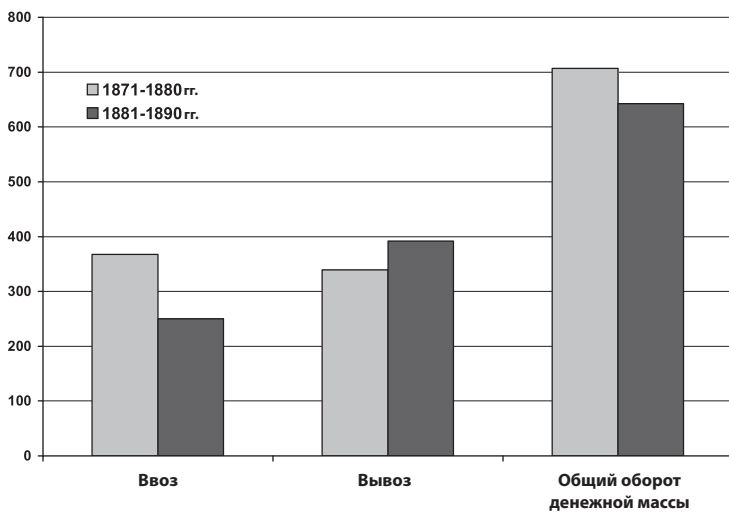

Рис. 37. Внешнеторговый оборот Российской империи в 1871—1890 гг. (в среднем за год, в млн зол. руб.)

ции обнаруживает более высокую степень эффективности, а потому управленческая рецептура должна выстраиваться именно по ее лекалам.

Цивилизационный оптимум

Универсализм, положенный де-факто в основу реформаторской практики в России, представляет собой идеологическое прикрытие западного экспансионизма. Под видом реформ осуществлялся проводимый в рамках глобализационного процесса экспорт организационной модели Запада.

Политологии известен ряд «чистых», «идеальных моделей». В основе каждой из них лежит парадигма полярности образа. Естественно, что ни одно из реальных исторических государств не имело абсолютного соответствия критериям моделей. Каждое из них включало в себя, в той или иной мере, иносистемные компоненты. Так, за ширмой командно-административной системы СССР действовали элементы рыночных механизмов. Американский же капитализм никогда не исключал государственного регулирования экономикой и этатизации общественной жизни. Но развитие общественных систем может быть направлено как в сторону соответствия модели, так и в сторону отступления от нее.

Чистому идеологическому моделированию мы противопоставляем новый подход реалистической цивилизационной реконструкции. Логике полярного системообразования противопоставляется путь оптимизационного конструирования. В этом отношении цивилизационно-вариативный подход принципиально отличается от любых идеологий предшествующих эпох. Идеологемы прошлого ориентировались на выстраивание дихотомических альтернатив. Парадигмальную основу данного взгляда составляла одномерность (в лучшем случае — двухмерность) мировосприятия. Необходимость системного моделирования так или иначе

подталкивала идеологов к утверждению метафизических идеалов формируемых систем. Соотнесение их с реальностью исторического развития того или иного социума оборачивалось, как правило, кризисом, вызванным фактом обнаруживаемого несоответствия идеальной модели. Выходом из этой ситуации традиционно являлся выбор между идеологической ревизией и искусственным приведением реального бытия в соответствие с идеалом. Как следствие такой заданности — исторически саморепродуцируемое насилие.

Совершенно иную природу имеет генезис цивилизаций. Будучи живыми (а не моделируемыми) органическими образованиями, они основываются не на идеальных конструкциях (что, впрочем, не означает отсутствие идеалов), а на некоем оптимуме цивилизационного существования. Цивилизационноориентированной политикой в этой связи является политика оптимизации. Она принципиально отличается от иных политических линий — реформ, революций, консервации. Главная ее задача заключается в нахождении оптимального сочетания модернистской и традиционалистской составляющих. Практически это выражается в определении меры по каждому из конструирующих конкретную государственность параметров.

Теория цивилизационного маятника в практике государственного прогнозирования

Возвращение к процессному пониманию истории создает основания для глобального прогнозирования и аккумуляции опыта исторических уроков.

Только при процессном понимании прошлого возможно прогнозирование будущего. Для формирования прогноза должно иметься в наличии достаточное количество траекторно соединенных между собой точек. А это и есть не что иное, как графическое выражение исторического процесса.

Логика прогноза предполагает также определенную событийную повторяемость. Нельзя прогнозировать на основе бессвязной совокупности эмпирически выверенных фактов. Парадигмы истории как информации и как интерпретации для научного предвидения будущего неприемлемы. Необходимо для этого в качестве целевой установки познания восстановить значение поиска закономерностей исторического процесса.

Значительный прогностический потенциал заложен, в частности, в представленной выше теории «цивилизационного маятника». Обоснование цикличности и ритмичности исторического процесса дает основания для разносрочного описания будущего. Применение к процессу маятниковых инверсий функции автокорреляции доказывает широкие возможности научного предсказания развития общества (рис. 38). Для России ближайшим ориентиром такого прогноза является рубеж усредненного двадцатилетнего цикла. Принятие концепта маятникового развития общественных систем позволяет создать более сложную, чем имело место до сих пор, модель долгосрочного планирования. Линейной схеме противопоставляется в данном случае программа, предусматривающая периодичность векторальной переориентации в рамках общей стратегической линии развития.

«То, что забыли сыновья, пытаются вспомнить внуки», — афористически определял сущность традиции известный философ Эйлис Росси. Трехпоколенная традиционная модель организации семьи имела в этом смысле глубокие онтологические основания. История в своей триадной схеме соотносится с бытием человека в ее биосоциальном значении. Данные спектрального анализа позволяют предположить, что масштабность исторически преломляемого действия цивилизационного маятника определяется на уровне особой этнически вариативной биоритмики развития человека. Фиксируемые через ряды Фурье масштабы исторических циклов биологически не случайны (рис. 39–49). Как правило,

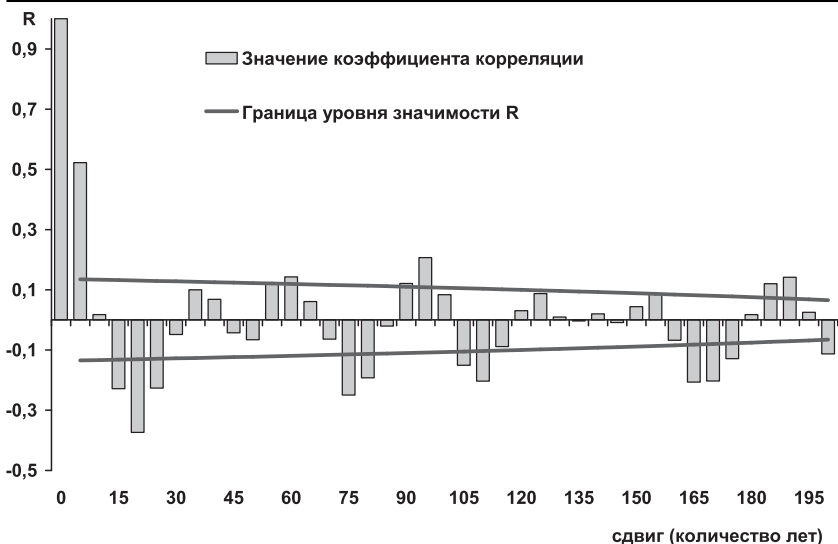

Рис. 38. Автокорреляционная функция «цивилизационного маятника» России

они удивительно точно соотносятся с различными возрастными этапами социализации. На семи из одиннадцати ниже приводимых графиков четко фиксируется временной интервал в 52 года. Еще на одном — бразильском — выделена отметка в 55 лет, что можно списать на погрешности оцифровки. Случайным совпадением при 250-летнем масштабе исторического процесса столь высокая периодизационная точность быть не могла. В переводе на биоритмику человека, 52 года — это, очевидно, биологически установленный тип старения. Достигнув указанной точки, человеческий организм развивается в нисходящем направлении. Характерно, что все три страны, не обнаруживающие 52-летней цикличности (Япония, Турция и Испания), имели исторически отличный от совокупности других рассматриваемых стран тип старения.

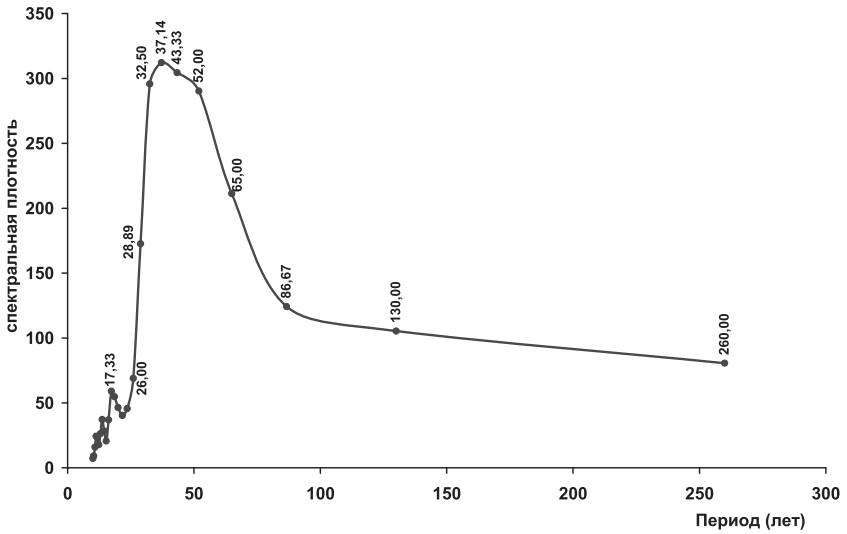

Рис. 39. Спектр Фурье (Россия)

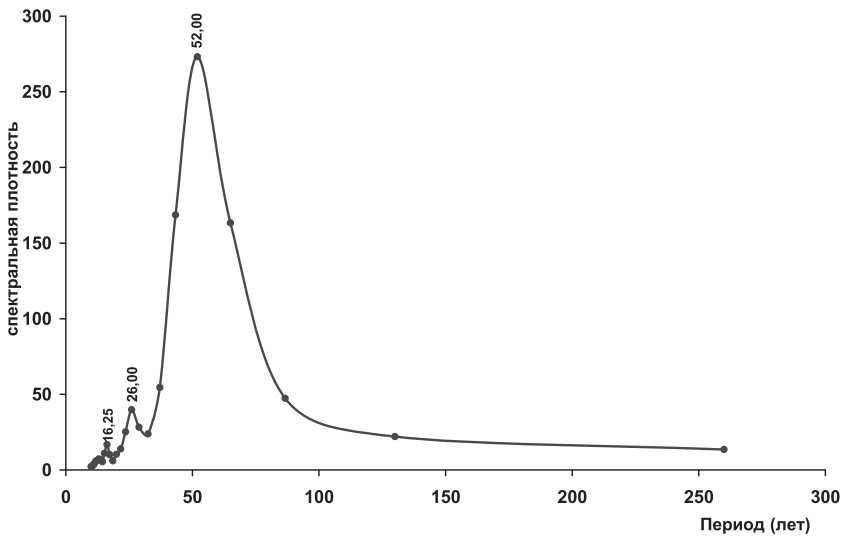

Рис. 40. Спектр Фурье (США)

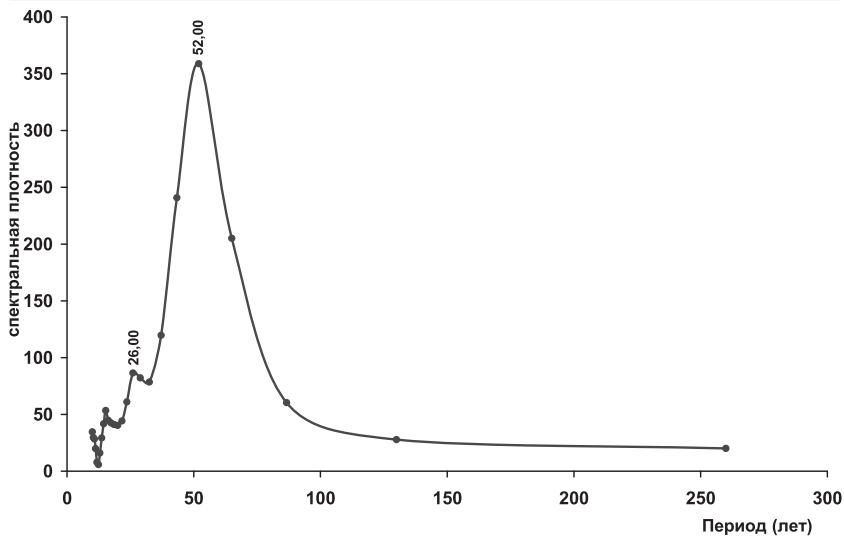

Рис. 41. Спектр Фурье (Франция)

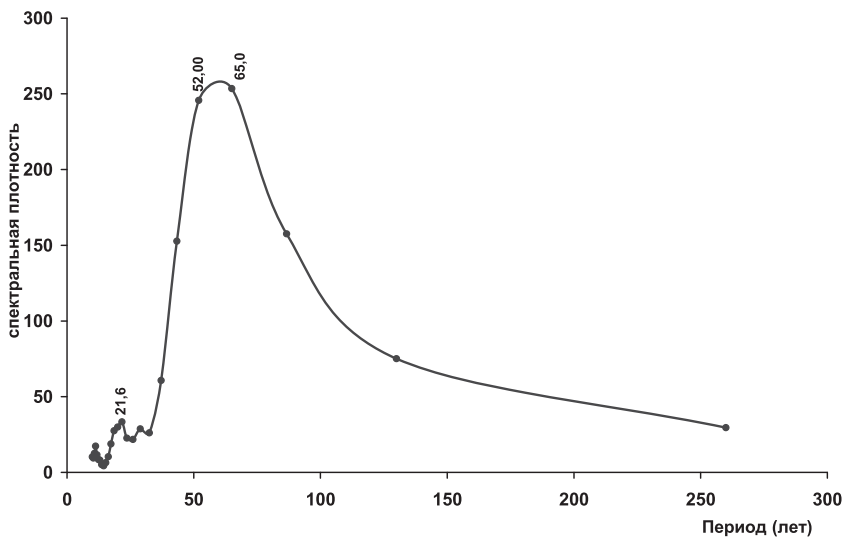

Рис. 42. Спектр Фурье (Италия)

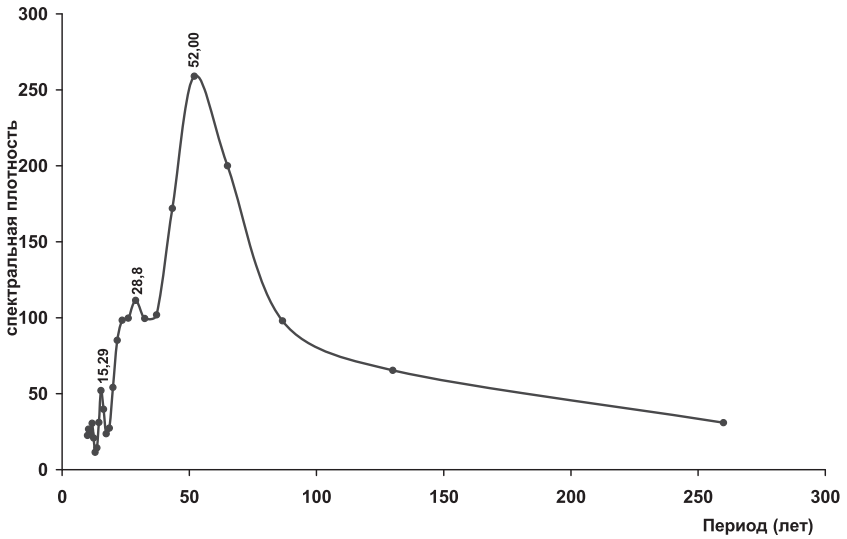

Рис. 43. Спектр Фурье (Германия)

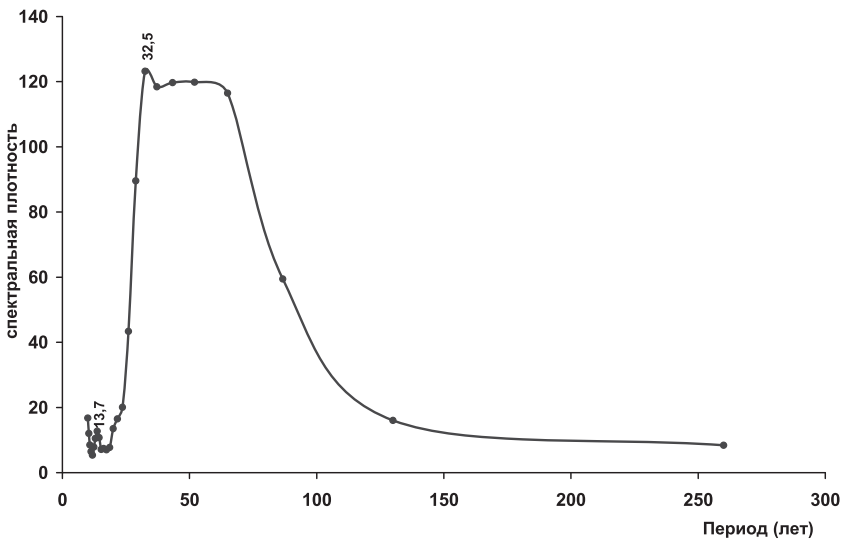

Рис. 44. Спектр Фурье (Великобритания)

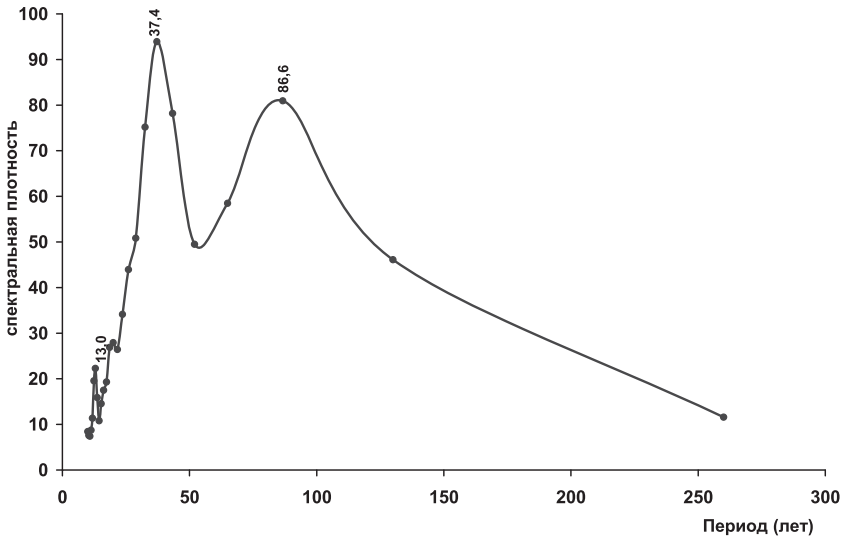

Рис. 45. Спектр Фурье (Испания)

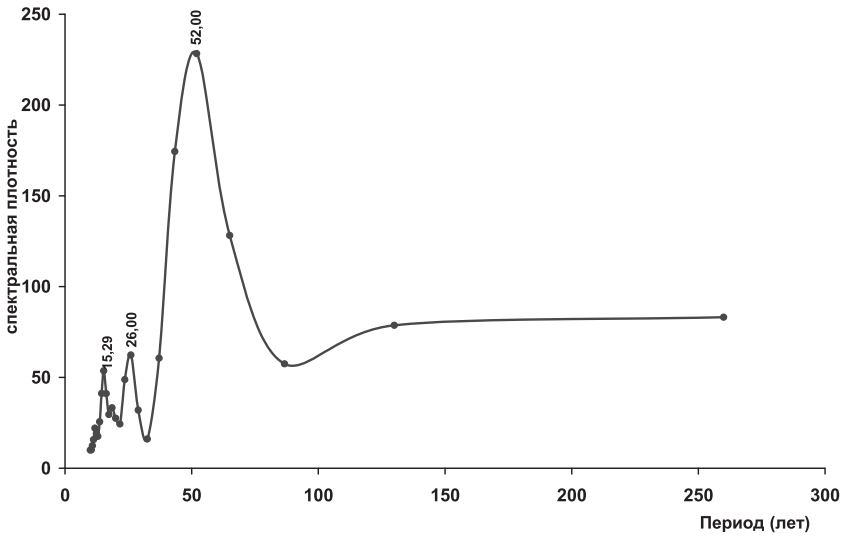

Рис. 46. Спектр Фурье (Китай)

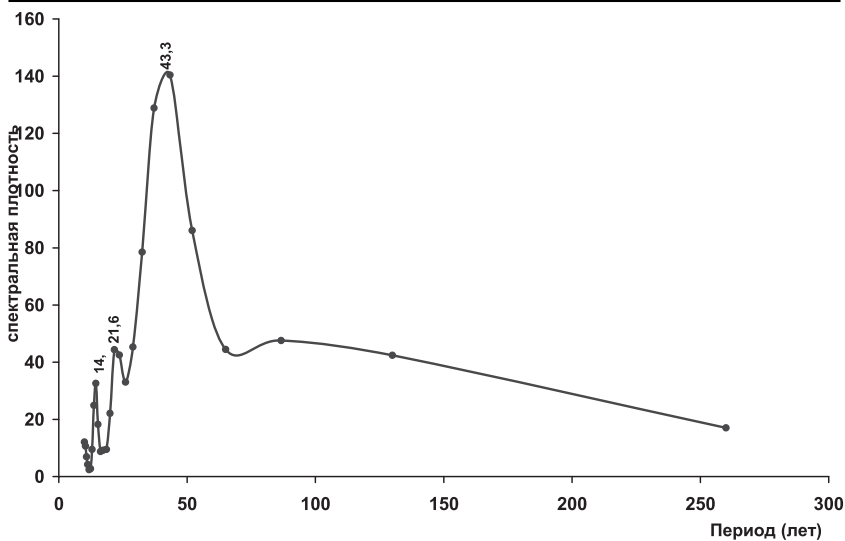

Рис. 47. Спектр Фурье (Турция)

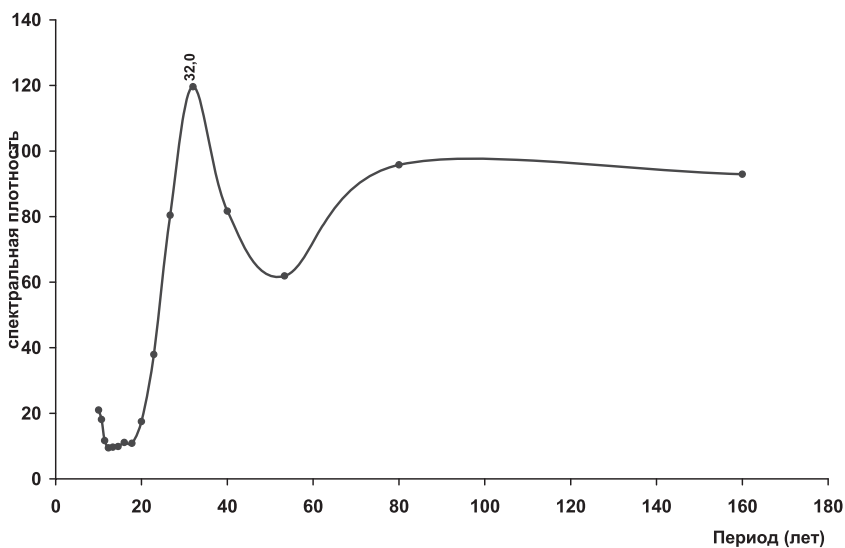

Рис. 48. Спектр Фурье (Япония)

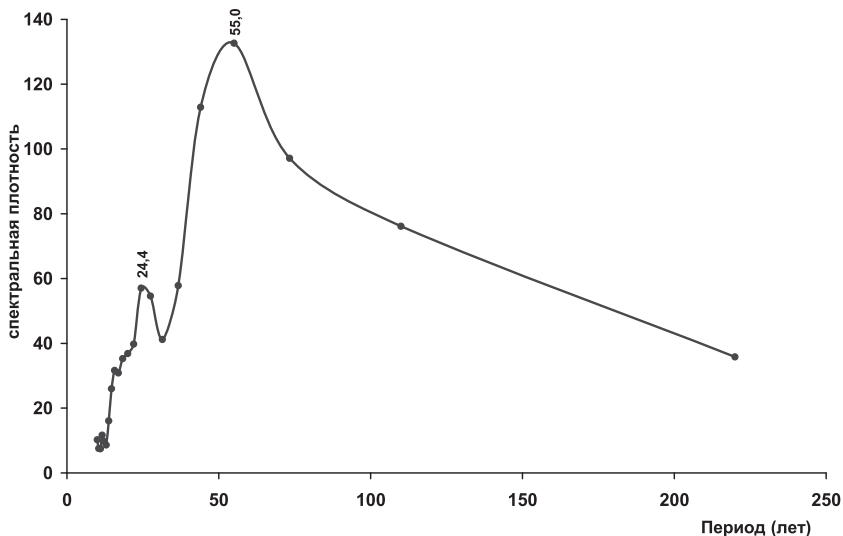

Рис. 49. Спектр Фурье (Бразилия)

Первый максимум спектра Фурье соотносится с фазой юношеской социализации. Он представлен на графиках семи стран диапазоном от 13 до 17,33 лет. Вступление во взрослую жизнь, согласно традиции, закреплялось, как правило, заключением брака. Сейчас брачный возраст существенно сдвинут в направлении поздней брачности. Однако речь в данном случае идет не о современных модификациях, а о регламентируемом традиционными институтами биологическом оптимуме. Тринадцатилетний возраст как раз и соответствовал нижней планке брачности. Для стран южного ареала, с характерным ранним половым созреванием, она была ниже, для северных — выше. Соответственно, по полученным данным спектрально-го анализа из семи стран, обозначивших наличие первого максимума, низшие показатели данного цикла имели Испания и Турция (13–14 лет), высшие — Россия (17,33 лет). Указанную закономерность нарушала только Великобритания. Но стоит ли повторять, что исключения лишь подтверждают правила.

Следующий период социализации биологически определяется переходом от юношества к зрелости. Его возрастные границы задаются третьим десятилетием развития человеческого организма. Данный этап онтогенеза находит отражение при спектральном анализе восьми рассматриваемых стран. Диапазон второго биосоциального перехода страново варьируется от 21,6 до 28,8 лет. Показательно, что наиболее раннее наступление указанного этапа фиксируется, опять-таки, у двух южных стран, подтверждая тезис об их более высокой инверсионности. Не в этом ли следует искать базовую причину непрекращающейся смены итальянских правительств?

Обращает также на себя внимание совпадение у четырех стран отметки максимума, приходящегося на 26-летие. Другая закономерность обнаруживается в схожести структуры циклов у стран, претендующих на то, чтобы представлять полюсы основных геополитических сил в современном мире (табл. 2, рис. 50).

Таблица 2

Соотношение исторической ритмики и фаз онтогенеза по ряду стран мира

Страны	Точка юношества (лет)	Точка зрелости (лет)	Точка старения (лет)
Россия	17,33	26,0	52,0
США	16,25	26,0	52,0
Германия	15,29	28,8	52,0
Китай	15,29	26,0	52,0

Однако российский спектр, в отличие от спектра сопоставляемых в данном случае стран, содержит еще одну точку максимума — 37,14 лет. На шкале онтогенеза она могла бы быть

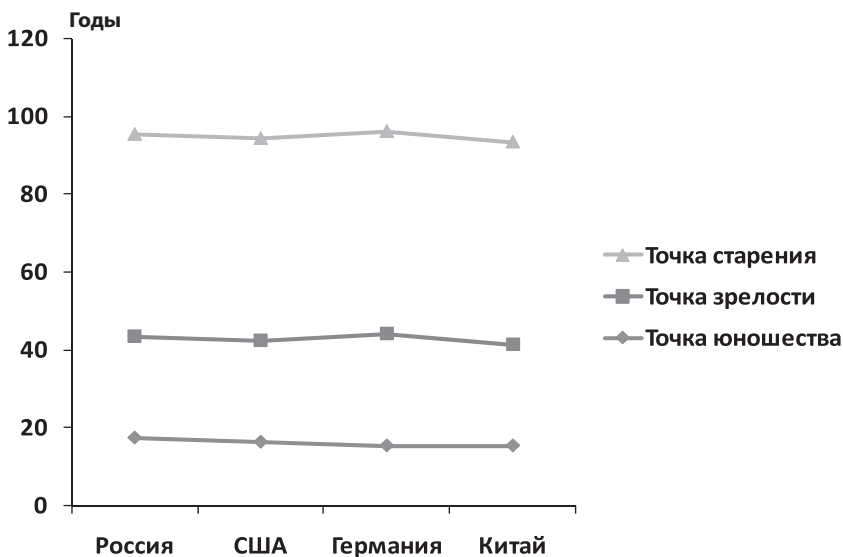

Рис. 50. Соотношение исторической ритмики и фаз онтогенеза по ряду стран мира

определена как пик креативной зрелости. Это время мистических откровений и создания великих религий. Помимо России, данная точка фиксируется в исторических циклах Японии, Великобритании, Испании, варьируясь в диапазоне 32–37,4 года.

***

Проведенное исследование способствует восстановлению практического функционала истории как науки. Доказаны широкие возможности ее применения в отношении к государственно-управленческой практике. Знание принципов цивилизационных инверсий позволяет обеспечить предвидение будущего и, соответственно, предвосхищать грядущие вызовы.

Время альтернативного моделирования прошло. На смену борьбы антагонизмов грядет эпоха синергичного миростроительства. И модернизм, и традиционализм представляют собой необходимые составные компоненты общественного развития. В этой связи следует не противопоставлять их друг другу, а синтезировать, определяя оптимум баланса на каждом конкретном этапе исторической динамики. Необходимость такого синтеза доказана как в мегаисторической проекции развития человечества, так и в среднесрочной ретроспективе существования цивилизационных систем. Тот, кто вовремя овладеет методологией и методикой синергичного подхода, окажется на гребне истории. Напротив, придерживаясь исторически отживших парадигм одномерного традиционализма и одномерного модернизма, соответствующий геополитический субъект обрекает себя на положение аутсайдера.